

* * *

Нежностью первого снега
Я покорён.
Ни одного человека
Под фонарём.

Только потоки снежинок
В светлом пятне.
Сколько исправить ошибок
Хочется мне.

Если бы ты понимала,
Если... Хотя
Утром какой-нибудь малый,
Здесь проходя,

Грязной кирзою натопчет...
Варвар! Ты знал,
Сколько мне стоила ночи
Той белизна?

* * *

Чуть отдалившись от вокзала,
Я не узнал в окошке местность,
Но проводница мне сказала,
Что поезд мчится в неизвестность.

И ни полей, и ни избёнок:
Всё, будто в утреннем тумане.
И я, как брошенный ребёнок,
Хочу обратно в детство, к маме.

Мне было пять, когда под вечер
Пришёл домой отец не в духе
И рассказал, что мать «далече...»
Что, мол, «глаза её потухли»,

Что «стало ей приютом небо
Заместо нашего барака».
И, протянув краюху хлеба,
Обнял меня и долго плакал...

А поезд мчится всё быстрее,
Звенит стакан о подстаканник.
Но разве чай меня согреет?
И я, закрыв лицо руками,

Входя с вагоном вместе в штопор,
Вдруг вижу белую палату
И слышу тихий мамин шёпот,
Как будто в чём-то виноватый.

И поезд – свод больницы ветхой,
Где проводница – врач-безбожник.
И ускользящее эхо:
«Сынок, увидимся, но позже...».

* * *

Когда Серёга умер от запоя,
За ним прислали ржавую Газель.
Тем утром на дорогах Уренгоя
Заснеженный свирепствовал апрель.

Машина, у подъезда сев на брюхо,
Не в силах скорбный свой продолжить путь,
Беспомощно завывла, как старуха,
Пришедшая соседа помянуть.

И кто-то говорил: «Серга шутит!
С ним вечно приключается курьёз!».
И было что-то страшное до жути
В бессмысленном вращении колёс...

* * *

Люди спросят у порога:
— Что за пазухой твоей?
— Прячу внутреннего Бога
От соборов и церквей.

Он не любит позолоту
На крестах и образах.
И в душе моей свободу
Поселяет, а не страх.

— Где ж ты взял его?— Не важно,
Если вера глубока.
Я нашёл его однажды
На снегу у кабака.

Был февраль, и он дрожал весь,
В ледяную глядя тьму.
И казалось мне, что жалость
Проявляю я к нему,

Но когда его я поднял,
Озарилось всё вокруг!
За мгновение я понял:
Он мне самый близкий друг!

— Веришь в Бога?
— Верю слепо!
И с того, не важно, дня:
Я несу его по свету,
Или он ведёт меня.

* * *

Мы с ней не говорили о вещах,
Что куплены не нами или нами
В Италии, Китае и Вьетнаме,
А может, на каких-то островах,

О ценах на билеты и на газ,
Об уровне зарплат в районной школе,
О клубах, сигаретах, алкоголе.
Всё это миновало, к счастью, нас.

Мы с нею говорили о душе,
О ценностях Серебряного века,
О Бродском и о смысле человека,
О пагубности штампов и клише,

О музыке Миньони и Кюи,
О странностях в картинах Сальвадора
И живописи классиков, в которой
Так много нерастраченной любви,

О сущности религии, о снах,
О хрупкости и целостности мира.
Она не говорила о вещах,
Но выскочила замуж за банкира.

* * *

В мой дом постучали. Сказал я: «Войдите».

Старик на пороге — в лохмотья одетый.

— Ты кто? — говорю.

— Я твой ангел-хранитель.

Я слыхивал много про все твои беды.

— Проваливай к чёрту! Плевать, что ты босый!

Я не подаю ни на хлеб, ни на воду!

А он мне в ответ: «Да вернётся, не бойся,

Сама прибежит, не пройдёт и полгода».

Я замер, кольнуло у левого бока:
«Откуда ты знаешь об этом, убогий?»
А он подмигнул мне: «Убогий – от Бога!
А Богу известны все наши дороги.
Ты матери чаще звонил бы, а то ведь
Она до весны не дотянет двух суток.
И надо бы как-то отца подготовить
К тому, чтобы он не лишился рассудка».

Впервые в коленях почувствовал дрожь я,
Схватил старика за грудки, обезумев.
«Нельзя изменить, есть на всё воля Божья», –
Хрипел он чуть слышно сквозь чёрные зубы.

Я сел у камина, налил ему выпить
И хлеб покромсал и кусок буженины.
Он ел, не спеша, а потом руки вытер
О чёрные с блеском от грязи штанины.

И вышел за дверь, но я вслед ему крикнул:
«Я думал, что ангелов делают белых!
И если ты ангел, то где твои крылья?»
Старик усмехнулся: «Я отдал тебе их».

* * *

...А ночами к Ивановым от Иванниковых
К таракану приходила тараканиха.

Пахла мёдом и корицей, расфуфырена.
То халвы кусок притащит, то зефирины.

Вот сидят, жуют часами втихомолочку.
Что останется – запасливо на полочку.

Предлагал у Ивановых он остаться ей, –
Уходила – провожал до вентиляции.

Долго думал, шевеля усами рыжими,
А потом в кладовке прятался за лыжами

Возле банок с огурцами и капустою,
Всем хитином одиночество предчувствуя.

* * *

Что же с ними делать? Сам реши,
Юный, но отъявленный разбойник.
В этих милых куклах нет души.
Хоть спали в печи, а им не больно.

А когда ты вырастешь большой,
Тихо я шепну тебе на ушко:
«Кукла с человеческой душой —
Это очень страшная игрушка».

* * *

Этой женщине я обязан
Всем своим измождённым прошлым,
Ишемией, мигренью, язвой,
Но считаю её хорошей.

Я любил её до потери
Ощущения твёрдой почвы.
Этой женщине я не верил,
Но хотелось поверить очень.

Я бросал её, словно камень
В голубую прозрачность моря.
И своими спасал руками
Ту, что мне приносила горе.

Этой женщине я поведал
Тайны самой святой молитвы.
Одержат над собой победу
Ей позволил без всякой битвы.

Я простил ей грехов немало,
Мнил себя то Христом, то Буддой,
Потому что она сказала,
Что светлее меня — не будет.

* * *

Лес нагой, как девки в бане.
Пахнет вяленным листом.
Дядя Шура на баяне
Нам играет «Вальс-Бостон».

Тетя Валя у барака
Сушит серое бельё,
А соседская собака
Клянчит яблоко моё.

Мяч гоняют Мишка с Лёшкой
В подворотне по грязи.
В детство хочется немножко,
Множко — боже упаси!

* * *

- Вам платят за стихи?
- Не платят.
- Зачем же пишете, коль нет за них грошей?
- Вот Вы, зачем купили это платье?
- Оно к лицу.
- А мне стихи к душе.